

УДК 327.8 (510+470+571)

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СТРАТЕГИЯ РОССИИ

И. И. Арсентьева

Саратовский государственный университет
E-mail: airen1@yandex.ru

В статье рассматриваются геополитические изменения в Центральной Азии. Анализируются расширение сферы влияния Китая и ослабление позиций России. Выявляются факторы, которые Россия может противопоставить перспективам превращения региона в Pax Sinica.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Центральная Азия, США, Россия, Китай, сфера влияния, Pax Sinica.

China's Policy in Central Asia and Russia's Strategy

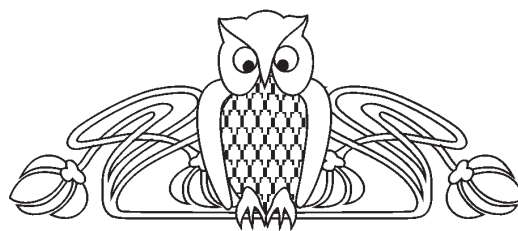
I. I. Arsentyeva

The article is devoted to the study of the geopolitical changes in Central Asia. The expansion of China's influence and Russia's weakening are analyzed. The author defines the factors that Russia can oppose to the prospects for transforming this region into Pax Sinica.

Key words: post-Soviet space, Central Asia, USA, Russia, China, sphere of influence, Pax Sinica.

Вопрос, чьей сферой влияния является постсоветское пространство, остается открытым. Во многих научных и публицистических работах говорится о геополитическом противостоянии по линии Россия – США и их попытках сформировать на постсоветском пространстве свои сферы влияния. По утверждению Зб. Бжезинского, долгосрочная задача американской внешней политики – не допустить возрождения евразийской империи, способной помешать формированию более крупной евроатлантической системы во главе с США¹. Не менее категорично высказываются и некоторые российские авторы. Так, А. Г. Дугин в интервью Los Angeles Times подчеркнул, что постсоветское пространство (за исключением прибалтийских государств) представляет собой пространство евразийской цивилизации, а не европейской, не западной. Любые попытки вывести это пространство из-под российского контроля или диалога с Россией нужно расценивать не как конкуренцию, а как агрессию, своего рода нападение, подобное нападению Наполеона или Гитлера².

Главной ареной геополитического противостояния России и США на постсоветском пространстве выступает Центральная Азия. Этот регион располагает третьей частью разведанных запасов золота, богат нефтью, природным газом и другими ресурсами. Но не только в этом заключается ценность Центральной Азии; ее геополитическая значимость еще и в том, что она служит мостом между Западом и Востоком, азиатской и европейской культурами, мусульманской и

христианской религиями. Следовательно, сфера влияния в Центральной Азии дает возможность «расширяться» во все стороны Евразийского континента.

Однако за геополитическим противостоянием России и США зачастую упускается из виду усиление региональных позиций КНР, хотя эксперты в области международных отношений говорят об этом не первый год. Данная проблема всё чаще оказывается в поле внимания исследователей: В. В. Михеева (Россия), В. В. Парамонова (Узбекистан), М. Н. Суюнбаева (Кыргызстан), К. Л. Сыроежкина (Казахстан), Г. И. Чуфрина (Россия) и др. С 2011 г. действует виртуальный экспертный форум «Евразийская интеграция и Китай». Немаловажный вклад в исследование проблемы вносят Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Российский институт стратегических исследований. Последний провел в 2013 г. Международную научно-практическую конференцию «Китай на постсоветском пространстве». В ее работе приняли участие эксперты из России и государств Центральной Азии – Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, где присутствие Китая ощущается особенно остро. Среди исследований, проведенных на Западе, можно выделить статью М. Сесайра «China's Quiet Splash in the Post-Soviet Space»³. Также интерес представляет прогноз в отношении стран СНГ, сделанный в 2008 г. экспертами американского аналитического центра Stratfor, где в том числе подчеркивалось, что Китай «уводит из-под носа России» Центральную Азию.

Однако имеющиеся научные разработки пока не носят целостного характера, представляя в большинстве своем отдельные выступления по злободневной тематике. В этой связи цель статьи заключается в анализе политики Пекина в центральноазиатском направлении, выявлении ее ключевых приоритетов и особенностей, разработке рекомендаций по изменению геополитической стратегии России в контексте расширения сферы влияния КНР.

Отношения с государствами Центральной Азии целесообразно анализировать в контексте так называемой «Большой стратегии Китая», составной частью которой выступает идея «Идти вовне». Отличительной чертой стратегии является многовекторность, и центральноазиатский вектор играет немаловажную роль.

Прежде чем перейти к рассмотрению современной политики КНР в Центральной Азии, сделаем небольшой экскурс в историю. Как известно, к концу XVIII столетия вокруг Китая как центра маньчжурской империи Цин был создан непрерывный буфер зависимых земель и народов. Идеологической основой такой внешнеполитической стратегии являлось учение Конфуция, перенятое маньчжурами у древнекитайских династий. По древним представлениям, Срединное государство (Чжунго) с четырех сторон окружают варвары (варварская периферия), все вместе они образуют Поднебесную – Тянься. Другими словами, Тянься мыслилась как мир, состоявший из «острова» китайской культуры (нэй) и «моря» «варварской периферии» (вай). Китайский император – «Сын Неба» и носитель «мандата Неба» – представлялся в виде устроителя миропорядка на Земле. Его задача заключалась не только в поддержании гармонии внутри Срединного государства, но и в распространении ее за пределы империи в целях преобразования «варваров четырех сторон света». Прежде всего, это касалось «ближних варваров», т. е. соседних государств, которые в случае опасности могли бы смягчить удар «дальних варваров».

Представляется, что можно проследить некую схожесть между имперской политикой династии Цин и внешнеполитическим курсом современного Китая, который рассматривает Центральноазиатский регион как свой стратегический тыл. В этом плане представляет интерес работа «География национальной безопасности Китая»⁴, авторы которой – Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань – отмечают, что границы национальной безопасности КНР значительно расширились. Для характеристики этого процесса ими используется понятие «пласт» (цэн) национальной безопасности с выделением центрального пласта (собственно китайской территории), внутреннего пласта (периферии Китая) и внешнего пласта, который включает все, что представляет интерес для безопасности за пределами внутреннего пласта. Наиболее важно понятие «внутренний пласт» (нэй цэн) – район периферии, который находится за пределами центрального пласта, но тесно связан с ним: он оказывает прямое влияние на безопасность центрального пласта и одновременно находится под прямым воздействием последнего.

Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань акцентируют внимание на том, что многие страны, особенно великие державы, часто рассматривают внутренний пласт как зону, которая имеет стратегическое значение для их безопасности и развития. Внутренний пласт имеет с центральным пластом географическую, экономическую, экологическую, иногда этническую, связь, играет важную роль в борьбе с контрабандой, наркоторговлей и разведывательной деятельностью. Государства, которые находятся в центральном пласте, как правило, всеми силами оказывают влияние на

государства их внутреннего пласта вплоть до того, чтобы держать их под контролем с помощью экономических, политических и военных мер. В трактовке китайских авторов, внутренний пласт КНР включает прилегающие к ней регионы Северной, Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии.

Безусловно, проведенная историческая параллель достаточно условна. Тем не менее, некий постимперский или, скорее, неоимперский характер внешней политики КНР вполне очевиден. Это тем более справедливо, что сегодня империей (неоимперией, империей нового порядка) можно считать великую державу и сферы ее политического, идеологического, экономического, военного, культурного и прочего влияния. Для подтверждения этого тезиса сошлемся на Ст. Сестановича, одного из ведущих американских экспертов по международным отношениям. По его мнению, существование империй в современном мире возможно только в виде «сфер влияния»⁵.

Для обозначения такого влияния представляется целесообразным использование понятия «рах» (лат. «мир»), которое в теории международных отношений встречается с обязательным уточнением: *Pax Romana*, *Pax Mongolica*, *Pax Britannica*, *Pax Americana*. Такое дополнение поясняет, чей это мир, чье влияние в нем доминирует, кто ответственен за него и за сохранение порядка в нем. В этой связи сформулируем вопрос: не превратится ли в скором будущем центральноазиатская часть постсоветского пространства в *Pax Sinica*?

Центральная Азия рассматривается Китаем как перспективный рынок сбыта товаров и альтернативный выход к международным транспортным коридорам. Помимо этого, для Пекина важно не допустить создания в Центральной Азии баз уйгурских сепаратистских движений. Однако главная цель – создание условий для импорта энергоресурсов, необходимых для обеспечения потребностей развивающейся стремительными темпами китайской экономики. Особое место в реализации этой цели занимает транснациональный газопровод «Туркменистан – Китай». Торжественная церемония его открытия состоялась в декабре 2009 г. в присутствии лидеров Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. Н. А. Назарбаев в своей речи отметил, что посредством этого проекта восстанавливается древний Шелковый путь и обеспечивается дружба стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества. Интересно заявление президента Узбекистана. По словам И. А. Каримова, с открытием нового маршрута транспортировки центральноазиатских энергоносителей изменится геополитическая карта региона⁶.

Реализации национальных интересов Китая в Центральной Азии подчинена его инвестиционная политика, набирающая заметные обороты. В конце 1990-х гг. инвестиции КНР в регион не

превышали 1 млрд долл. США и ограничивались нефтегазовым сектором Республики Казахстан. В начале XXI столетия их объем увеличился более чем в 20 раз, превратив Пекин в одного из главных финансовых «доноров» стран Центральной Азии. Влияние Китая стало особо заметным после кризиса 2008 г., когда традиционные инвесторы региона – Россия, США, ЕС – столкнулись с серьезными экономическими проблемами.

Китайские инвестиции поступают в основном в сырьевые отрасли: идут на покупку компаний, разведку и освоение месторождений, строительство энергетической инфраструктуры. При этом в своей политике Китай придерживается дифференцированного подхода: масштабы и характер связей с отдельными странами региона, равно как и преследуемые в них интересы, в силу объективных причин разнятся. В контексте двусторонних отношений со странами Центральной Азии Китай отдает предпочтение Казахстану, рассматривая его, в первую очередь, с точки зрения собственной энергетической безопасности – обеспечения стабильного и долгосрочного доступа к углеводородам этой страны и Каспийского региона в целом.

Следует отметить, что точную долю китайского капитала в нефтяной отрасли Казахстана установить достаточно трудно. Национальная компания «КазМунайГаз» заявляет, что в 2009 г. доля China Investment Corporation была не более 11%. Согласно другим источникам, в 2010 г. доля китайских компаний в общей добыче нефти в республике превысила 22%⁷. В январе 2013 г. многие казахстанские СМИ опубликовали информацию о том, что в текущем году эти показатели составят более 40%. В руководстве «КазМунайГаз» назвали эти цифры «неверными». Однако, согласно данным Forbes Kazakhstan, на сегодняшний день в республике 22 нефтяные компании с китайским участием. В восьми из них китайский капитал составляет 100%, в «СНПС-Актобемунайгаз» – около 95%, в «Ланкастер Петролеум» – почти 88%, еще в восьми компаниях китайская доля составляет 50% и выше⁸. Помимо нефти, китайские инвесторы все более активно вкладывают средства в освоение урановых и медных месторождений Казахстана.

Совершенно очевидно, что масштабы китайского присутствия поступательно растут и уже являются значительными. В 2012 г. китайская доля в казахстанском товарообороте составила 17,5% (23,98 млрд долл.), сравнявшись с показателями России – традиционного торгового партнера Казахстана (23,85 млрд долл., или 17,4% общего внешнеторгового оборота Казахстана)⁹. Причем, если первоначально китайские интересы затрагивали преимущественно торговую сферу, лишь в незначительной степени сопровождаясь развитием транспортно-коммуникационных связей, то сегодня достаточно отчетливо просматриваются усилия КНР по активизации проектно-инвестици-

онной деятельности. Основными направлениями этих усилий продолжает выступать нефтегазовая отрасль и обслуживающие ее коммуникации.

В этой связи возникает следующий вопрос: каким образом китайский фактор способен влиять на развитие российско-казахстанских отношений? В. В. Михеев выделяет два основных варианта развития ситуации. Первый – Казахстан использует соперничество России и Китая за казахстанские ресурсы и внутренний рынок исключительно в своих интересах, играя на расхождениях и противоречиях между Москвой и Пекином. Россия в этом случае провоцируется на поиск вариантов ослабления позиций Китая, на поиск новых, прежде всего, энергетических ниш в Казахстане (атомная энергетика, уран), а Китай, в свою очередь, на укрепление собственных позиций в Казахстане за счет новых финансовых вливаний. Такой сценарий может дать краткосрочные выгоды каждой из сторон, однако чреват постоянными волнообразными осложнениями взаимных отношений, а в долгосрочном плане – потерями оттого, что силы тратятся на противодействие, а не на взаимодействие. Второй вариант – объединение усилий России, Китая и Казахстана и проведение скоординированной и прозрачной политики развития Центральноазиатского региона, в котором Россия и Китай являются лидерами, а Казахстан – связующим звеном¹⁰.

В настоящее время российско-казахстанские отношения развиваются скорее в направлении первого сценария. При сохранении подобной тенденции это отрицательно повлияет на двусторонние связи. Не стоит забывать и о том, что с казахстанской стороны к границе прилегают семь областей, с российской – двенадцать субъектов Федерации. А значит, ухудшение российско-казахстанских отношений неизбежно скажется на уровне жизни большого количества людей. Важно и другое. Теряя влияние в Казахстане, Россия может получить своего рода цепную реакцию. Вернемся к прогнозу центра Stratfor о том, что Китай «уводит из-под носа России» Центральную Азию. «Ключевое значение в этом плане имеет Казахстан... Если Астана перейдет в сферу влияния Пекина, другие страны Центральной Азии не только сочтут экономически целесообразным последовать ее примеру, но и получат в лице Казахстана... полезный “буфер”, отделяющий их от разгневанной России»¹¹.

Какую же стратегию может противопоставить Россия расширению китайской сферы влияния и перспективам превращения Центральной Азии в Pax Sinica? Стратегия в данном случае понимается не как искусство ведения войны и нейтрализации соперника (подобный подход автоматически возводит Китай в ранг врага, что в корне неверно), а как целенаправленная программа действий по сохранению и укреплению присутствия России в регионе.

Сразу отметим, что факторов, которые способствовали бы усилению российских позиций

в Центральной Азии, немного. Зб. Бжезинский в конце XX столетия писал, что Россия «слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть регион от внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области исключительно собственными силами»¹². В наступившем столетии коренных трансформаций в сложившейся ситуации не произошло. И все же попробуем эти факторы выявить и обосновать (естественно, не претендуя при этом на исчерпанность и всеохватность). Выделенные факторы будут касаться российско-казахстанских отношений, во-первых, по причине лидерских позиций Казахстана в регионе, во-вторых, потому что именно он среди центральноазиатских государств в наибольшей степени демонстрирует политическую заинтересованность в сближении с Россией.

Итак, первый фактор – это *географический фактор*, или *фактор совместных границ*. Согласно данным Федерального агентства по устройству государственной границы РФ, общая протяженность российско-казахстанской границы – 7598,6 км: 7512,8 км – сплошная сухопутная; 85,8 км – морская. Как уже отмечалось, к границе примыкают семь казахстанских областей и двенадцать субъектов Российской Федерации. В общей сложности здесь проживают более 32 млн. человек. Совокупный валовой продукт российско-казахстанского приграничья превышает 300 млрд. долл. При этом ВРП казахстанских приграничных регионов составляет 40% ВВП Республики Казахстан, а ВРП российских приграничных регионов – 20% ВВП РФ¹³.

Казахстан и Китай граничат на участке протяженностью 1782 км. С казахстанской стороны к государственной границе примыкают Алматинская и Восточно-Казахстанская области; с китайской – СУАР, занимающий по уровню экономического развития 25-е место среди 33 (без учета Тайваня) административных единиц КНР; средняя плотность населения – 12,5 чел./кв. км (32-е, т. е. фактически, предпоследнее место). По площади этот автономный район занимает 1-е место в стране (1,7 млн. кв. км), а значит, пункты пропуска на казахстанско-китайской границе значительно удалены от более развитых районов КНР. Нельзя упускать и то, что в Синьцзяне традиционно сильны сепаратистские настроения. Другими словами, выход Китая на границу с Казахстаном представляет собой далеко не самый оптимальный вариант, затрудняя развитие двусторонних связей.

Граница России и Казахстана характеризуется большей контактностью и проницаемостью, поскольку они являются членами Таможенного союза. На границе Казахстана и Китая действует незначительное количество таможенных пунктов, но страны активизируются в этом направлении (например, в июне 2012 г. подписано соответствующее межправительственное соглашение). За счет развития железнодорожной инфраструктуры с Китаем Казахстан планирует к 2020 г. вдвое

увеличить объем транзитных перевозок по своей территории.

Конечно, в эпоху глобализации и стремительного развития средств коммуникации роль географических факторов снизилась, тем не менее, их действие никто не отменял. А географический фактор в данном случае больше на руку России, нежели Китаю (проблема в том, сможет ли Россия правильно распорядиться этим конкурентным преимуществом).

Во-вторых, *политико-экономический фактор*. Казахстан, наряду с Россией и Белоруссией, – член Таможенного союза ЕврАзЭС и потенциальный «костяк» Евразийского союза. Согласно достигнутым договоренностям, к 2015 г. должны быть завершены все необходимые процедуры для подписания соответствующих соглашений. Конечно, большой вопрос, смогут ли лидеры государств договориться между собой, поскольку этого не всегда удается достичь, даже на уровне двусторонних отношений. Однако определенные и, что самое важное, вполне конкретные шаги в этом направлении делаются.

В-третьих, *культурный фактор*. У постсоветских государств общее прошлое, да и сегодня культурные связи между ними развиты достаточно хорошо. Важную роль играет русский язык, который, несмотря на снижение своей популярности, продолжает выполнять на постсоветском пространстве функции языка межнационального общения. Безусловно, культурные различия имеются, причем, весьма существенные. И все же общность России с центральноазиатскими государствами шире, чем у последних с Китаем (несмотря на их исторические контакты на перекрестках Великого шелкового пути). Неслучайно опасения жителей разных постсоветских государств по поводу усиления китайского влияния носят примерно одинаковый характер.

Безусловно, *экономические преимущества* на стороне Китая, который может предложить центральноазиатским государствам больше, нежели Россия. В частности, намного выше китайские возможности по выдаче льготных кредитов. Для постсоветских государств важно и то, что Китай преследует (по крайней мере, пока) сугубо экономические выгоды. Главное для китайцев – бизнес без навязывания политических правил игры. Россия же увязывает свои вложения с политическими дивидендами.

И все же, несмотря на впечатляющие успехи Китая, существует большое количество явных и латентных проблем, которые в будущем могут омрачить его отношения с центральноазиатскими государствами и негативно отразиться на их динамике. В качестве примера можно рассмотреть Казахстан, где постепенно усиливаются опасения по поводу возможного превращения Китая в главного игрока на казахстанском рынке энергоносителей; Астану серьезно беспокоит стремление Пекина покупать углеводороды по заниженным ценам;

растет число публикаций на тему возможного использования Пекином нефтегазовых контрактов для давления на казахстанское руководство и т. д.

Однако главное препятствие для расширения китайской сферы влияния – колоссальные внутренние проблемы, с которыми сталкивается сегодня Китай: неблагоприятная демографическая ситуация; усиливающееся социальное расслоение; высокий, в некоторых случаях критический, уровень загрязнения окружающей среды; постепенное размывание базовых культурных ценностей и пр. Именно это может стать основным барьером для усиления региональных и глобальных позиций КНР.

Конечно, это не означает, что Россия должна пассивно ждать, сможет ли Китай решить свои внутренние проблемы. Также нельзя рассматривать его исключительно как конкурента или, что совершенно недопустимо, врага. У Москвы и Пекина совпадающие интересы в области обеспечения региональной безопасности, в том числе они касаются ограничения сферы влияния Вашингтона. При этом у нашей страны есть вполне реальные механизмы не только сохранения, но и некоторого расширения сферы влияния в Центральной Азии. Важно, чтобы предпринимаемые российским руководством усилия были не сотрясанием воздуха, а направлялись на структурирование пространства вокруг России с акцентом на сохранении ею статуса региональной державы.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности России» (№ 12-03-00002а)

Примечания

- ¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 109.
- ² Stack M. Russian Nationalist Advocates Eurasian Alliance against the U.S. // Los Angeles Times. 2008. September 4.

УДК 32:327:327.39:327.799

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ / ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

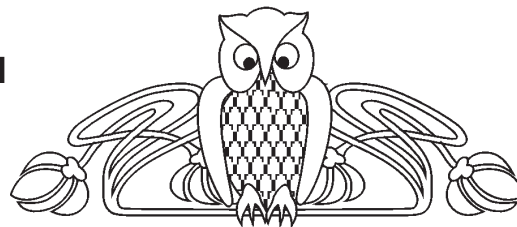
Ч. Эсенгул

Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек
E-mail: chinara.esengul@gmail.com

В статье анализируются риски и выгоды для Кыргызской Республики (КР) при вхождении в Таможенный союз (ТС) в краткосроч-

URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fgw-dugin4-2008sep04,0,2871108.story> (дата обращения: 19.11.2013).

- ³ Cecire M. China's Quiet Splash in the Post-Soviet Space // OpenDemocracy. 25 February 2013. URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/michael-cecire/china%E2%80%99s-quiet-splash-in-post-soviet-space> (дата обращения: 17.11.2013).
- ⁴ Шэнь Вэйле, Лу Цзюньюань. Чжунго гоцзя аньцюань дили = География национальной безопасности Китая. Пекин, 2001. Цит. по: Румянцев Е. Н. Геополитические идеи современного Китая // География национальной безопасности Китая : экспресс-информация ИДВ РАН. М., 2007. № 7 (140). С. 4–11.
- ⁵ Сестанович Ст. Воздаты России должное // Полис. 1995. № 1. С. 68–78.
- ⁶ Карсыбеков Е. Великий газовый путь // Вести Казахстана. Экономика. 2009. 15 декабря. URL: <http://vesti.kz/есон/34527/> (дата обращения: 15.11.2013).
- ⁷ Авликулов Б. Инвестиционное наступление Китая // Экономическое обозрение. URL: <http://www.review.uz/ru/article/301> (дата обращения: 15.11.2013).
- ⁸ В РК 22 нефтяные компании с китайским участием // Forbes Kazakhstan. 2013. 12 января. URL: http://forbes.kz/process/probing/v_rk_rabotayut_22_neftyanyie_kompanii_s_kitayskim_uchastiem (дата обращения: 20.11.2013).
- ⁹ Основные показатели внешней торговли РК по странам // Агентство Республики Казахстан по статистике. URL: http://www.stat.kz/digital/vnesh_torg/Pages/default.aspx (дата обращения: 27.02.2013).
- ¹⁰ Михеев В. В. Фактор Китая в российско-казахстанском экономическом сотрудничестве // Казахстан и Россия : экономические и политические аспекты стратегического партнерства. Алматы, 2007. С. 73.
- ¹¹ Цит. по: Сыроежкин К. Л. Казахстан – Китай : от приграничной торговли к стратегическому партнерству : в 3 кн. Кн. 1. В начале пути. Алматы, 2010. С. 12.
- ¹² Бжезинский Зб. Указ. соч. С. 170.
- ¹³ Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России : доклад Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития. СПб., 2012. С. 6.

ной и долгосрочной перспективе. С учетом экономической ситуации в стране, описываются реалистичные сценарии влияния ТС на экономические отрасли страны и различные слои населения. Автор также делится своим мнением и дает практические рекомендации с целью минимизации негативных эффектов при вступлении КР в ТС.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, Таможенный союз / Единое экономическое пространство, положительный и нега-